

Именно опираясь на их свидетельства, мы и поведём свой рассказ. В нашем древнем и славном Курском крае много различных исторических мест и достопримечательностей. Но одним из лучших, по праву является дворцово — парковый ансамбль «Марьино», что находится в Рыльском районе, неподалёку от села Ивановское. Когда — то он принадлежал князьям Барятинским. Сегодня он является выдающимся памятником архитектуры XIX века, народным достоянием. Но судьба этого замечательного дворца могла быть и иной. В годы Великой Отечественной войны фашисты планировали взорвать его и люди потеряли бы эту «жемчужину соловьиного края» навсегда. Но дворец сохранился, его спасли. Кто? Как? Вот об этом наш рассказ.

Когда осенью 1941 года фашисты оккупировали Курскую область Гитлер подарил дворец «Марьино» фельдмаршалу Гудериану. Но, к счастью, немцы не долго здесь хозяйничали. В ходе зимне — весеннего наступления 1943 года, Красная Армия стала теснить врага и фашисты стали отступать, уничтожая всё, что не могли взять с собой. К началу марта фронт приблизился к селу Ивановское. Начались артобстрелы, бомбёжки. Чтобы уцелеть, жители села перебрались в подвалы Мазеповских палат, построенных ещё в начале XVIII века, но ещё достаточно прочных, чтобы укрыть людей. Среди них был Терентий Васильевич Терновой с сыном Сашей, мальчиком лет двенадцати. Терновой был не из местных — война загнала его в эти края. А до войны он жил в Курске. Правда, судьба его сложилась не легко. Рано потерял родителей и пошёл работать. А в 19 лет с ним случилась страшная беда — в результате производственной травмы он потерял зрение. Но парень не сломался, не пал духом. Поступил в Курскую профтехшколу для слепых, затем окончил Воронежский педагогический институт, стал преподавать историю в школе, женился, завёл семью. Но война заставила покинуть дом. И вот теперь они с сыном Сашей сидят в подвале и ждут прихода Красной Армии.

А немцев тем временем в селе становится все меньше. Однако днем 7 марта 1943 к Мазеповским подвалам подъехали три немецких тяжело груженных грузовика. Из них выскочили немцы в масках, достали какие — то бумаги, карты и стали громко о чем — то переговариваться. Среди сидевших в подвале людей была бывшая студентка факультета иностранных языков Курского педагогического института Маша Жукова. Она — то и, сумев понять немецкую речь, сообщила всем странную вест: «у них в машинах взрывчатка. Они хотят ночью взорвать дворец «Марьино»!». Это известие ошеломило людей, послышался недовольный рокот. Но что делать?

Как предотвратить это варварство? Что может сделать кучка слабых, безоружных людей, в основном женщин, стариков и детей, с группой вооружённых до зубов головорезов? К вечеру фашисты выгнали всех из подвалов и разместились в них сами. У машин со взрывчаткой поставили часового. Темнело. Дул холодный ветер, мела метель. Дом, в котором жили Терновы, был неподалёку от Мазеповских подвалов и у Терентия Васильевича созрел дерзкий план; настолько дерзкий, что он даже вздрогнул от этой мысли. Но жизнь научила его не пасовать перед трудностями и он решил действовать. С сыном вышли во двор и стали наблюдать за подвалом. Немцы из него не выходили, видимо расположились на ночлег. Дверь в подвал никто не охранял. Часовой ходил у грузовиков, на приличном расстоянии от подвала. «Саша!» — стараясь говорить спокойно, Терновы обратился к сыну, — «Нельзя позволить этим гадам взорвать дворец. Никак нельзя!». — «А что делать, папа?» — отозвался мальчик. — А давай закроем дверь подвала на замок. Оттуда им не выбраться. Пусть сидят до прихода наших... — А часовой? — «Надо его»... — Терновы на минуту запнулся, но, быстро овладев собой, твёрдо продолжал: — «Надо его убить, сынок!.. Слушай меня внимательно! И ничего не бойся!». Терентий Васильевич просил сына не бояться, а сам боялся не меньше него: боялся за сына, за себя, за возможную неудачу задуманного. Ведь одна оплошность или случайность и всё — смерть! «Эх, если бы не слепота! Саша — вот мои глаза, вот моя надежда. От его спокойных и точных действий зависит очень многое»... Тем временем совсем стемнело. Наступила ночь. Уставший часовой перестал ходить, присел на какой — то ящик и вскоре... захрипел. Пора! Взяли мешок, молоток потяжелее и направились к немцу. И хотя ветер и метель заглушали звуки, а ночь скрывала их, шли медленно и осторожно: Саша впереди, а отец, держась за его плечо, следом.